

Сергей Власов

Перчатка

Время не властно

Сергей Власов

Перчатка

«ЛитРес: Самиздат»

2007

Власов С. В.

Перчатка / С. В. Власов — «ЛитРес: Самиздат», 2007

Мог ли заурядный художник предположить, что найденная на заснеженной улице женская перчатка круто перевернёт его жизнь? Вряд ли. Но именно с данной находки и началась череда мистических злоключений приведших к непредсказуемому финалу этой необычной истории.

© Власов С. В., 2007

© ЛитРес: Самиздат, 2007

*Хотя и сладостен азарт
идти по сразу двум дорогам,
нельзя одной колодой карт
играть и с дьяволом и с Богом.
И. Губерман*

Тень промелькнула и пропала. Прохожий вздрогнул и остановился в растерянности: «Что бы это могло быть?». Он оглянулся и увидел её.

Рыжая лайковая перчатка. Она лежала на сером, окутанном поздними сумерками снегу, и свет от покачивающегося на ветру фонаря то отступал, то снова обозначал её контур.

«Какая-то растяпа потеряла», – размышлял человек, поднимая находку и стряхивая с неё невесомый снег.

«Правая, правая... Где же твоя пара? – мужчина поднёс её к лицу и принюхался. – Какой тонкий, таинственный аромат! Так пахнет дурман-трава на закате», – подумал прохожий, пытаясь представить хозяйку потерянной вещи.

– Надо положить тебя на видное место. Глядишь, владелица спохватится да и вернётся, – произнёс он вслух и, поймав себя на этом, насторожился. «Что-то я стал заговариваться», – подумал одинокий художник.

Он оставил перчатку на металлическом заборчике у края заснеженного тротуара, тоскливо посмотрел по сторонам и отправился к себе домой – в пустую холостяцкую берлогу.

Переступив порог выстуженной квартиры, человек остановился. В лицо ударил порыв ветра. Всколыхнув седеющую шевелюру, он вмиг овладел ею и без того продрогшим телом. Необъяснимое чувство тревоги закралось в душу художника. На лбу выступила испарина. По спине пробежал зловещий холодок.

«Что за ерунда?!» – подумал он.

Включив свет, не разуваясь, человек прошёл на кухню и закрыл распахнутую настежь форточку.

«Странно! Ведь я её не открывал... Кажется». Мужчина задумался.

Внезапно перед глазами вспыхнул образ рыжей перчатки на фоне сумрачного снега. Затем видение затуманилось, картинка пропала. Но возникла другая – художник отчётливо видел перчатку под зеркалом в прихожей, между синим флаконом с туалетной водой и зелёной замызганной расчёской. Он метнулся туда и застыл как вкопанный.

Рыжая перчатка, местами потёртая и подмокшая, лежала на полочке, отражаясь в зеркале чёрной дырой расправленной манжеты.

«Я что, свихнулся?» – продолжался внутренний монолог. Художник точно помнил, что оставил предмет во дворе. Как он мог оказаться тут, было непонятно, и это обстоятельство наводило на тревожные мысли.

«Одно из двух – либо у меня белая горячка, и я взял перчатку, сам того не осознавая, либо здесь присутствует чертовщина», – опять мысленно сказал себе растерянный человек.

Потом он заметил (или ему почудилось), как из-за холодильника, отражённого в зеркале, выскочил маленький бесёнок с отливающими при свете лампочки белыми рожками, и прошмыгнул в тёмную кладовку.

Перчатка вдруг зашевелилась. Сначала пришёл в движение большой палец, затем мизинец, после чего она словно надулась. Воспарив в воздухе и принимая объём руки внезапно объявившейся хозяйки, перчатка взялась ощупывать пространство в прихожей. Немного освоившись, она подплыла к зеркалу и проделала некоторые манипуляции, напоминавшие движе-

ния прихорашивающейся женщины. Затем, повернувшись пальцами к художнику, перчатка произнесла (если конечно слово «произнесла» здесь могло быть уместным):

– Здравствуй, милый! Ты позволишь мне тебя так называть?

Речь прозвучала у художника в голове, но ощущал он её так, словно звуки исходили от самого предмета.

– Успокойся, дорогой! Ты весь дрожишь. Поговори со мной, пожалуйста. Я так этого хочу, – она приблизилась к лицу ошеломлённого мужчины и нежно провела по небритой щеке указательным пальцем. – Тебе необязательно произносить слова общепринятым способом. Достаточно воспроизвести их в мыслях, и я услышу это точно так, как сейчас ты слышишь меня. Попробуй!

Тембр её голоса казался обворожительным, а произношение столь очаровательным, что художник некоторое время не мог прийти в себя от таинственного восторга. В нём боролись два чувства: страх перед чем-то неведомым и восхищение неповторимо прекрасным.

– Кто ты? – наконец вымолвил он, опускаясь на стоявший у стены табурет.

– Кто я?.. неважно! Возможно, когда-нибудь я расскажу тебе об этом. Но не теперь! Сейчас мне необходимо просто быть с тобой. И это главное!

– Но почему я? – изумился художник. – С чего такая честь? И что означает фраза «быть с тобой»?

Сначала он говорил вслух, но потом, сам того не заметив, стал разговаривать с перчаткой мысленно.

– Ну, во-первых, ты меня нашёл, – томно ответила она. – Во-вторых, ты художник, и это очень важно. Быть с тобой означает находиться всегда рядом, особенно в те часы, когда ты работаешь над своими холстами, творишь, фантазируешь. Я буду любоваться твоими работами, ухаживать за тобой, стану твоим единственным другом. Я сделаю тебя счастливым! Ты удовлетворён моим ответом?

– А я? Что должен сделать я взамен? Ты ведь не просто так собираешься со мной нянчиться? Верно?

– Ты прав, – произнесла она, зависнув прямо у него над головой. – Взамен я попрошу одно: пока мы будем вместе, ты не станешь встречаться с женщинами и тем более не посмеешь жениться.

– Ничего себе! А что ты ещё потребуешь, а?! И вообще тебя нет. Я, наверное, болен, – художник потрогал свой лоб. – Может, мне отдохнуть и ты исчезнешь? – он снял пальто и подошёл к холодильнику. Достав непечатую бутылку водки, хранившуюся для особого случая, бедняга отправился на кухню. Там он достал из шкафчика гранёный стакан и за несколько минут опустошил всю бутылку. В полуобморочном состоянии он прошёл в спальню и рухнул на кровать как был – в одежде и обуви.

Утро выдалось тревожным и, как оказалось, фатальным. Художник лежал на кровати навзничь, проснувшись, но не открывая глаз. Голова словно была напичкана крупинками разбитого стекла. Неровный пульс стучал в ушах испорченным метрономом.

«Опять нарезался», – размышлял он, прислушиваясь, как из крана в ванной комнате срывается очередная капля воды и с оглушительным треском разлетается вдребезги, усеивая мелкой рябью мутную гладь воспалённого сознания. Он оглох.

«Где я? Что Я?» – человек напрягал память, пытался вспомнить, что с ним произошло накануне. Веки, будто чугунные задвижки, не хотели подниматься, и он смирился с этим. В его голове стали возрождаться образы и события вчерашнего дня. Они были разбросаны на чёрном фоне зелёными и синими пятнами. Вдруг кто-то выплеснул на мистический холст потоки багровой крови. Картина мгновенно затянулась алой плёнкой и стала стремительно уменьшаться. Вскоре от бывшего рисунка осталась лишь крошечная точка, готовая в любой момент раство-

риться в глубинах человеческого самосозерцания. И когда это произошло, последовал взрыв, развеявший магическую палитру, и на ослепительно белом фоне возник пульсирующий образ рыжей перчатки.

Он вспомнил! Вспомнил всё!!! Но что это? Сон или явь?

Мысли стали проясняться. К художнику вернулся слух. Едва ощутимо задрожали оконные стёкла от гула проезжающего по улице грузовика. Что-то хрустнуло и зашипело на кухне. Совсем рядом раздался шелест бумаги. Человек с усилием открыл глаза и увидел... вчерашнего бесёнка! Тот с умным видом сидел за столом и невозмутимо перелистывал потрёпанный журнал.

«Дело дрянь!» – художник снова зажмурился. Шелест прекратился. Он вновь поднял веки. За столом было пусто.

Художник протянул руку и, достав из тумбочки небольшое зеркальце, стал всматриваться в своё отражение.

– Красавец! – прошептал он, разглядывая покрасневшие глаза и помятую физиономию. Затем, приподняв голову, уставился на свои ботинки.

«Чёрт возьми! Обутом я ещё не спал», – он встал с кровати и пошатываясь отправился на кухню. По всем признакам, там кто-то находился: в воздухе стояла серая дымка, пахло подгоревшей яичницей, отчётливо слышались шорохи и скрипы.

Художник подошёл к кухонной двери, и то, что он увидел, повергло его в шок, а из больной головы мгновенно выветрились остатки вчерашнего хмеля. Над газовой плитой, ловко управляясь со сковородкой, словно трудолюбивая пчела, кружилась та самая перчатка из его бредового кошмара. Почувствовав, что на неё кто-то смотрит, бестия повернулась пальцами к художнику и произнесла: – Милый! Ты проснулся? Какой у тебя непривлекательный вид. Ступай в ванную, приведи себя в порядок и быстрее возвращайся. Завтрак почти готов!

Не смея перечить, словно под воздействием гипнотической силы, мужчина удалился. Уже через полчаса он сидел за столом чисто выбритым, переодетым и с жадностью поглощал приготовленную пищу.

– Я ничего не понимаю! Объясни мне, что всё это значит? – произнёс художник, покончив с яичницей.

– Всё в порядке, дорогой! – сказала она, наливая крепкий чай в жёлтую, улыбающуюся неглубокой трещиной чашку. – Я же всё объяснила тебе ещё вчера! Разве ты не помнишь?

– Да... я помню! Но не возьму в толк, зачем тебе всё это?

– Придёт время – и ты всё поймёшь. Можешь мне поверить, – едва слышно произнесла перчатка.

Воцарилась неуютная тишина.

Художник взглянул на древние ходики, мерно отсчитывающие время в дальнем углу кухни, затем поднялся, подошёл к небольшому телевизору и включил его.

Цветной экран подсевшей трубки засветился размытыми картинками новостной заставки.

– Я приготовила тебе подарок! – неожиданно сказала перчатка.

– Подарок?! Что за подарок? По какому случаю? – удивился мужчина.

– Он находится в кладовке. Пойди посмотри!

Художник, заинтригованный её словами, отправился к тёмной комнатке. Подойдя, он осторожно приоткрыл скрипучую дверь и от удивления ахнул.

Белый столб дневного света, ворвавшись в неубранное помещение, выхватил из черноты пыльного угла несколько предметов, которых раньше там не было. В полумраке, упираясь ножками в пол, а вертикальной стойкой в зелёную стену, возвышался новенький, обёрнутый упа-

ковочной бумагой мольберт. Справа, на полу, располагались три этюдника, сложенные стопкой. Немного в стороне стояла большая картонная коробка, доверху наполненная красками, растворителями, кистями.

Но то, что художник увидел после, ошеломило его и потрясло. В затенённом углу, завалившись набок, лежала объёмная инкассаторская сумка. Запорная рамка удерживала кладь в стальных объятиях. Свинцовая пломба притаилась поверх проушин серебристым скарабеем.

«Что это?» – мужчина приподнял сумку и сдёрнул защитное приспособление.

Кладь раскрылась. Из неё вывалилось несколько пачек зелёных банкнот, аккуратно перетянутых бумажной лентой. У художника закружилась голова. Он присел, облокотившись на стену, и закрыл глаза.

Зимнее солнце, запутавшись в изгибах кухонных занавесок, сияющим пятном упало на столешницу. Рядом неподвижно лежала перчатка. Казалось, бархатный голос теледиктора ублажал её, и сон на время сковал кожаные складки притихнувшей ведьмы.

Монотонное вещание неожиданно сменил возбуждённый женский голос: «Уважаемые телезрители! Прослушайте, пожалуйста, сообщение, поступившее к нам этим утром. Минувшей ночью на одной из улиц нашего города совершено нападение на инкассаторский автомобиль, перевозивший крупную сумму денег. Водитель и двое сотрудников сопровождения погибли». На экране телевизора замелькали кадры ночной съёмки – шокирующие эпизоды жестокого убийства. «Граждане! Если кто-то из вас стал свидетелем этого преступления или может помочь в его расследовании, просьба немедленно сообщить...» На экране появилась заставка, где синим шрифтом были выведены номера контактных телефонов.

Художник застыл у кухонной двери, словно изваяние, с пачками денег в руках, потрясённый и обескураженный. Он в страхе оторвал взгляд от экрана и уставился на перчатку. Лишь внимательнее присмотревшись, художник заметил на её кожаной поверхности едва различимые следы крови, хорошенько затёртые или замытые водой. Он всё понял. Сомнений быть не могло. Человек, осторожно ступая по вздыбившемуся от частых протечек паркету, направился в прихожую. Там он положил на табурет пачки зелёных купюр и протянул дрожащую руку с закостеневшими, словно у мертвеца, пальцами к спасительному телефону.

– Ты не сделаешь этого! Не сделаешь... ведь правда? – раздался голос у него над ухом. Художник вздрогнул. Он на мгновение оторопел, и трусливая фраза сорвалась с его пересохших губ.

– Да... Ты права, – прошептал он, безвольно опустив руку. В его сознании замелькали кадры репортажа и изуродованные трупы инкассаторов, застывшие в нелепых позах. – Я не сделаю этого.

– Ну вот и хорошо, милый! А сейчас иди установи мольберт и подготовь всё необходимое. Пора работать, дорогой! Пора работать!

Человек стоял перед чистым холстом с колонковой кистью в руке, намереваясь сделать первый мазок. Он ещё не знал, что собирается писать, и оттого прибывал в нерешительности. В его покрасневших глазах блестели слёзы.

– Почему ты стоишь? – спросила перчатка. – В чём дело?

– Я не знаю с чего начать, – художник поднёс кисть к холсту и снова убрал руку.

– Смелее! Попробуй! Просто прикоснись к нему.

Невольник попытался снова. На этот раз он дотронулся до холста и... о боже! Произошло чудо! Колонок словно ожил. Он плавно скользнул вверх, затем, описав окружность, принялся беспорядочно сновать по холсту, словно неугомонная каретка принтера, временами припадая к палитре. Рука человека, казалось, срослась с кистью и двигалась за ней, точно нитка за иголкой. Мужчина опешил. Не понимая, что происходит, он отрешённо наблюдал за процессом

создания картины, словно посторонний. Будто не его рука писала на холсте, а работал кто-то другой – гениальный творец! И когда шедевр был закончен, художник со злостью зашвырнул отпустившую его кисть в дальний угол комнаты.

– Что с тобой? – перчатка нырнула вниз и подобрала брошенный предмет. – Я не пойму, что опять не так?

– Это не моя работа, – сказал мужчина, глядя на картину. – Я хочу создавать свои произведения сам и не желаю, чтобы дьявол творил их моей рукой. – Ясно?

– Конечно, ясно, мой милый. Только ты ошибаешься, если думаешь, что кто-то создал это за тебя, – перчатка положила поднятую кисть рядом с палитрой, затем включила свет и, приблизившись вплотную к картине, замерла. – Это, действительно, нечто! У тебя потрясающий почерк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.